

The background is a dark, textured brick wall. In the center, the text 'Твоя безумная Кэтрин' is written in a glowing, red, cursive font. To the right, the silhouette of a woman with long hair is visible, her hand raised as if touching the wall. The overall lighting is dim, with the red text providing the primary light source.

Твоя
безумная
Кэтрин

Лучше не знать,
на что способны порой девушки,
особенно если их правильно
мотивировать.

ИДДК

Аня Сокол

Аня Сокол

Твоя безумная Кэтрин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63515246

Аннотация

"Твоя безумная Кэтрин" – роман Ани Сокол, жанр мистика, остросюжетный любовный роман, мистический детектив.

В темном-темном лесу стоит тихий отель.

У тихого-тихого отеля есть странный хозяин.

У странного-престранного хозяина была младшая сестра.

У младшей сестры есть...

Ничего у нее нет, потому что много лет назад она пропала. И с тех пор никто так и не узнал, что случилось с Кэтрин?

Неужели, это придется выяснить мне и моему спутнику? Но мы не следователи, мы мошенники, что предпочитают обтяпывать свои дела тихо-тихо в тихом-тихом отеле...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Аня Сокол

Твоя безумная Кэтрин

Все персонажи и названия вымышлены, любое совпадение с реально существующими объектами, живущими или жившими людьми случайно.

Глава 1

Прибытие

– Давай-давай, открывай уже, – махнул рукой Михаил, и охранник в будке словно услышал, перегораживающий въезд шлагбаум пошел вверх. – Мы гости вашего отеля, а разве так встречают гостей?

– Это ты-то гость? – удивилась я и заметила большую и лохматую собаку, что крутилась возле охранника. Свето-палевая псина задумчиво разглядывала наш автомобиль, словно решая, обляять нас сразу или поберечь силы.

– Гости бывают разными, – улыбнулся мой спутник и нажал на газ.

Мы миновали оформленную под старину деревянную арку, проехали под вывеской, извещавшей гостей, что они попадают в отель «Медвежий угол». Буквы острые, высокие, стилизованные под старину. По коже побежали мурашки,

просто так, без всякой причины, потому что ничего злодейского ни в словах, ни в самой арке не было. И тем не менее я оглянулась на оставшуюся позади дорогу. Провожающая наш автомобиль взглядом собака вильнула хвостом-бубликом.

– Не дрейфь, красотка, прорвемся, – как всегда, без всякого труда уловил толику моей тревоги Михаил.

«А у нас нет выбора», – мысленно ответила я, наблюдая, как мой спутник паркует машину напротив главного корпуса гостиницы. Через минуту мы уже входили в вестибюль. За стойкой регистрации нас встретила молодая девушка в форменной синей юбке и белой блузке, к которой был прикреплен бейдж с многообещающей надписью: «Анфиса, администратор».

– Рада приветствовать вас в нашем «Медвежьем угле». Вы бронировали номер? Если нет, ничего страшного, сейчас не сезон, так что есть из чего выбрать, свободен даже номер для новобрачных, – торопливо заверила девушка и тут же смущенно уточнила: – Или вам нужны отдельные номера?

– Бронировали по Интернету на имя Кречетова Михаила. Один номер с одной вот такенной кроватью, – развел руками мой спутник, и девушка хихикнула. На что он, собственно, и рассчитывал.

– Да, все верно, один стандартный номер. – Девушка нажала пару клавиш на компьютере и попросила: – Ваши паспорта, пожалуйста.

Мишка выложил на стойку свой, я, чуть помедлив, свой, и поймала недоуменный взгляд администратора. Анфиса взяла бордовую книжечку, которая явно знавала и лучшие времена, а сейчас выглядела весьма потрепанной и как минимум пару раз покрученной вместе с джинсами в стиральной машине. Посмотрела, но ничего не сказала. Вот и правильно, паспорт настоящий, просто хозяйка ему досталась безголовая.

– Ого, какой зверь, – восхитился мой спутник, и я обернулась. Помимо стойки в фойе стояли несколько кресел, банкомат, две кадки с пальмами, кулер и чучело медведя. Грозный зверь с бурой шерстью был поднят на задние лапы, морда оскалена, отливающие желтизной клыки выглядели впечатляюще даже издали.

– Это хозяин года два назад добыл, – сообщила администратор, продолжая щелкать клавишами. – Назар Андреевич настоящий охотник.

– А разве медведи не занесены в красную книгу? – уточнила я и по тому, как испуганно посмотрела на меня девушка, поняла, что попала в точку.

– Я неправильно выразилась, – пояснила Анфиса, – «добыл» значит купил. На распродаже старого охотничьего хозяйства.

– Мы так и подумали, – согласился Михаил. – Кстати о хозяине, поговаривают, – он заговорщицки понизил голос, – что он у вас и сам того, – мой спутник кивнул на чучело, – не

совсем человек. Раз в месяц на полную луну надевает медвежью шкуру и идет лакомиться медом. Или зазевавшимися грибниками.

Если бы не его дурашливый тон, девушка наверняка покрутила бы пальцем у виска. А так, посмотрела на Мишку, рассмеялась и, понизив голос, ответила:

– Все может быть, но я вам этого не говорила. Вот ваши паспорта и ключ от номера, поднимайтесь и располагайтесь. Ресторан в соседнем корпусе, бассейн там же в пристройке. На территории отеля три бара, по одному в каждом корпусе, работают круглосуточно. Аренда велосипедов и другого спортивного инвентаря до восемнадцати часов. Конные прогулки, – она указала на стеклянные двери, через которые мы вошли, за ними как раз с каурой лошади слезла девушка и погладила фыркающее животное по шее, – и уроки верховой езды по договоренности. Лошади, конечно, шумные, – Анфиса едва заметно поморщилась и, словно извиняясь за животных, добавила: – и мороки с ними много, но постояльцам нравится, особенно детям. Так же у нас большая территория для прогулок, с запада к отелю примыкает рейсовый лес. Ходить туда без проводника мы не советуем, а если уж решите прогуляться на свой страх и риск, то не сходите с тропы. Но лучше всего запишитесь на экскурсию, мы предлагаем гостям два проверенных маршрута, группы собираются здесь по будням в...

– Понял-понял, – поднял руки Мишка, – скучать вы нам

не дадите.

– А сеть тут ловит? – спросила я, доставая смартфон и глядя на почти пустую шкалу уровня сигнала.

– Очень нестабильно, – смущенно улыбнулась Анфиса, – поэтому мы сразу рекомендуем подключиться к нашему вай-фаю. – Девушка указала на один из информационных стендов, где большими буквами было написано имя сети и пароль.

– А что, в отеле много постояльцев? – спросил мой спутник, доставая свой аппарат и подключаясь к сети. – Раз целые группы для лесных прогулок собираете?

– Ну не то чтобы много, – девушка смутилась. – Сейчас не сезон, да и погода...

Она не договорила, вновь посмотрев сквозь стеклянные двери. Снаружи начал накрапывать мелкий осенний дождик. Сентябрь в этом году выдался на редкость холодным и дождливым. Я со вздохом убрала смартфон в карман куртки.

– Ничего, мы не привередливые, – заверил администратора Мишка, забрал наши паспорта и ключ от номера. Двенадцать ноль три, значилось на пластиковом прямоугольнике.

Следуя за мужчиной к лифту, я посмотрела на чучело медведя. Почему-то вспомнилась надпись на арке. «Медвежий угол» – название отеля как нельзя лучше соответствовало месту. Вроде рядом с областным центром, а мы даже с картой и навигатором не сразу отыскивали этот глухой медвежий угол, за которым на несколько сот километров тянулся

рейсовый лес, и не было ни одного города. На стеклянные двери холла легли качающиеся тени высоких деревьев, и я торопливо отвернулась.

Спустя полчаса, стоя перед зеркалом ванной комнаты нашего номера, я разглядывала собственное отражение и пыталась унять нахлынувшую тревогу. Тщетно.

Обычный отель, пусть и построенный в глухом углу... Ага, в медвежьем. И что с того? Таких отелей по просторам нашей необъятной родины раскидано без счета. И пусть, я уверена в том, что этот особенный, но если приспичит прямо сейчас собрать вещи и поискать местечко пооживленнее, то вряд ли кто-то ляжет костью, чтобы меня удержать.

Я вытерла лицо пушистым полотенцем, как раз в тот момент, когда дверь открылась, и в ванную вошел Михаил. Он уже успел снять рубашку и ботинки, оставшись в одних брюках. Мы встретились глазами в зеркале... Я знала этот взгляд, знала, что последует за ним. Мужчина не сказал мне ни слова. Не было нужды. Мишка обхватил руками мой зад, прижимая меня к раковине. Одной рукой расстегнул ширинку на брюках, а второй задрал мне юбку, отодвигая пальцами трусики. Он не в первый раз брал меня вот так, без предупреждения, без ласк и поцелуев, резко, почти грубо, слушая, как я всхлипываю от боли. Или от наслаждения.

Я ощутила его горячую плоть между ягодиц. Он наматал мои волосы на руку и дернул назад, одновременно входя в

меня. Я закусил губу, сдерживая крик.

Знаете, иногда я даже получала от этого некоторое извращенное удовольствие. От его напора, от силы и выносливости, от его пульсирующей плоти, что раз за разом входила в меня, от того, что он не спрашивал разрешения, а просто брал, от осознания собственной слабости. Зачастую это меня заводило. Но не сегодня.

Михаил снова дернул меня за волосы и снова вошел в меня. Я схватилась руками за холодный фаянс. Из-под ворота блузки выправилась цепочка с кулоном и стала монотонно постукивать о край раковины: «тук-тук-тук». Каждое движение бедер мужчины отзывалось этим монотонным «тук». Только оно и отзывалось. Михаил пробормотал что-то невразумительное и вошел в меня в последний раз. Он дрожал, кожа была покрыта испариной, руки напряжены.

Всего несколько минут, заполненные похожим на рычание дыханием, и он разжал пальцы, отпуская мои волосы. К слову, я никогда не вырывалась, никогда не говорила «нет», никогда не жаловалась на грубость. Вот и сейчас промолчала, когда Мишка, виновато улыбнувшись, поцеловал меня в шею и ушел, на ходу застегивая ширинку. Романтика не самая сильная его сторона. Он скорее прагматик.

Когда спустя полчаса я вышла из ванной, на мне было лишь полотенце и цепочка с кулоном. Михаил лежал на кровати, сосредоточенно глядя на экран ноутбука.

– Если хозяин этого отеля и превращается в медведя, то

только в белого, – высказался мой спутник, поворачивая комп.

С экрана на меня смотрел светловолосый и голубоглазый мужчина средних лет. То есть ему могло быть как двадцать пять, так и сорок пять. Нос с горбинкой, плотно сжатые губы и подбородок, который принято называть «решительным», хотя никто не знает, что может решить данная часть лица.

– Столетов Назар, тридцать шесть лет, – начал озвучивать Михаил и без того известные факты. – Уроженец местного села Медведино. Красивенькое название... Бизнесмен, образование высшее, был женат с две тысячи тринадцатого по две тысячи пятнадцатый. Недолго длилось счастье. – Мужчина на кровати улыбнулся, словно сам факт чьего-то счастья или несчастья его забавлял. – Отель построил более десяти лет назад. С тех пор к основному корпусу были пристроены еще два, а так же бассейн, теннисный корт и конный двор. Кстати, последнее – чистая благотворительность, приютили спортивный клуб лошадиников, которому была одна дорога – на бойню... Альтруист, одним словом, тебе обычно такие нравятся, – попенял мой спутник, когда я села на кровать.

– Уверен? – уточнила я, а Михаил рассмеялся. – Не понимаю твоего веселья. Мы сюда не развлекаться приехали. Мы приехали его шантажировать. – Я снова посмотрела на фотографию на экране.

– В корне неверная формулировка, Ринка. Мы не шантажисты. Мы честные продавцы информации. У нас товар, а

он купец. Не захочет платить назначенную цену, мы найдем другого покупателя. Товарно-денежные отношения.

– Ну-ну, ты еще чек ему выбей и налоги заплатить не забудь, – буркнула я.

– Что такое? – тут же став серьезным, спросил Мишка. – Тебя тревожит что-то конкретное или обычный мандраж перед делом?

– Ничего конкретного, просто не по себе.

– Поэтому ты не можешь расслабиться? – Он приподнялся, провел пальцем по коже, коснулся ключицы, поддел шнурок и вытащил из-под полотенца кулон. В нем не было ничего примечательного и ничего ценного. Обычная деревяшка овальной формы, сколотая с одного края и отполированная до гладкости бесчисленными прикосновениями.

– Хочешь, куплю тебе бриллиант? – спросил Михаил.

– Ты уже покупал, – тихо ответила я, вытаскивая кулон из его пальцев.

– Вот именно. – Мужчина нахмурился. – А ты продолжишь таскать на шее какую-то щепку. Откуда она? Со Святой земли или от Ноева ковчега? – Я промолчала. – Ты ведь знаешь, что из количества проданных мной в сувенирные лавки «святых» деревяшек можно построить не просто дом, а целый кремль отгрохать?

– Знаю.

– И знаешь, что каждая подобная щепка сопровождалась заключением эксперта и сертификатом подлинности, неза-

висимо от того, на какой лесопилке я их настрогал?

– Это просто память, – ответила я.

Мишка всегда был наблюдательным, хоть и зачастую прикидывался шутом гороховым.

– Хотел бы я знать о чем, – он покачал головой и снова облокотился на подушку. – Давай уже, бери себя в руки. Обычное дело, у нас таких было десятка два. Думаю, справимся дня за три, а потом рванем к морю. Как тебе идея?

Я пожалала плечами. Море – это хорошо. Тогда почему же я совершенно не горю желанием туда отправляться?

– Давай сперва закончим здесь.

– Давай, – легко согласился Михаил и снова склонился к экрану ноутбука, изучая информацию о хозяине гостиницы.

Все, что можно было найти в открытом доступе и все что нельзя. Михаил в этом спец. А еще Михаил – мошенник, пусть и не очень высокого полета, зато удачливый. И он всерьез намерен сделать на этой ниве карьеру, как, скажем, самый обычный банковский служащий. Я не раз слышала от него, что ближе к сорока годам настанет время повышения квалификации. И тогда он сменит стезю шантажиста и обманщика на политическую. Для начала изберется в думу какого-нибудь провинциального городка, а там, как карты лягут. А учитывая то, что играл мой спутник исключительно краплеными, не удивлюсь, если в итоге он станет президентом. Если не сядет, конечно. Ну а пока он промышлял аферами средней руки в моей скромной компании. На самом де-

ле роль его спутницы могла играть любая, поэтому я не забывала благодарить судьбу и провидение за то, что Мишка в свое время выбрал меня и вытащил из той ямы, которую я для себя старательно выкапывала.

– Столетов владеет не только отелем. Акции, земельные участки, доля в строительном комбинате. – Михаил потер руки и скомандовал: – Так, Ринка, одевайся. Сходим поужинать, а потом прогуляемся по территории.

– Зачем? – спросила, поднимаясь, я.

– Оценим масштабы владений на месте, так сказать, чтобы не продешевить.

Глава 2

Осмотр достопримечательностей

– Посмотри-ка, шведский стол, – сказал Михаил, когда мы спустя полчаса появились в зале ресторана. Приятного, кстати, во всех отношениях. Ничего помпезного или вычурного, чисто, светло, двойные скатерти на каждом столике, сверкающие столовые приборы, вкусно и как-то по-домашнему пахло едой. – Что думаешь?

– Два охранника: один скучает у стойки бара, второй флиртует с официанткой. Кроме них в зале еще два официанта и одна уборщица. На данный момент я насчитала семнадцать постояльцев, из них две семьи с детьми, одна пожилая пара, остальные одиночки или притворяются таковыми.

– Отлично, правда, я насчитал девятнадцать постояльцев. Смотри, двое поели, а посуду, еще не убрали, плюс неизвестно, сколько отсиживается по номерам. – Он взял тарелку. – Навскидку сейчас в отеле около пятидесяти человек и большая часть из них – обслуживающий персонал. – Мишка положил себе овощей и взял кофейник.

– А отель рассчитан как минимум на две тысячи. Не сезон, – повторила я слова девушки-администратора и ограничилась сэндвичем.

– Как думаешь, Столетов сейчас здесь? – Михаил сел за

ближайший столик.

– Нет. – Я устроилась напротив и кивнула на официантку, все еще любезничающую с охранником. – Посмотри на них, на столе закончилось мясо, а им не до таких пустяков. Хозяйина нет не только в этом зале, его нет в отеле, иначе охранник ни за что не покинул бы свой пост.

– Согласен, – кивнул Мишка, отодвинул тарелку с салатом, к которому едва притронулся, и залпом допил кофе. – Значит, у нас есть время осмотреться. Идем.

Мы вышли в прохладный осенний вечер, ледяной ветер тут же взметнул волосы, холодными пальцами потрогал шею и забрался за воротник, заставив поежиться.

– Интересно, какая погода была той весной, когда она пропала? – спросил Михаил и, не дождавшись ответа, зашагал по одной из тропинок. – Отель построили десять лет назад. – Он на ходу достал телефон и зашел на официальный сайт этого «Медвежьего угла». – Во всяком случае, основной корпус. Но каждый год хозяин считал своим долгом достраивать новый объект, то бассейн, то корт, то коттеджи для тех, кто не желает жить в гостинице или для больших компаний любителей шашлыков. И заметь, Столетов не нуждается в деньгах, мог бы просто стричь купоны, благо отель приносит стабильный доход, но нет. Например, тот же конный клуб – это черная дыра в бюджете гостиницы. Черт... – увлекшись рассуждениями, мужчина чуть не налетел на деревянный столб. Знаете, такие любят устанавливать в псевдоэтнических де-

ревнях. Резной, потемневший, со стилистическим изображением какого-то животного. В данном случае головой лошади, с которой чуть не поцеловался Михаил. – Черт, – повторил он, – как живая. – И щелкнул деревянное животное по носу.

Я вздрогнула и только усилием воли не схватилась за свой кулон. Что, естественно, не укрылось от взгляда Михаила. Я уже говорила, что он наблюдательный?

– Да что с тобой сегодня? – Он покачал головой. – Ты всегда на взводе, когда мы идем на дело. Но в этот раз сильнее обычного. Тебе точно нужно на море. Завязывай дергаться и почитай. – Михаил протянул мне свой смартфон, где все еще была открыта страница с историей «Медвежьего угла». – Знаешь, что, по легенде, под каждым таким тотемным столбом прикапывали соответствующее животное, его дух вселялся в изображение и становился охранником. Как думаешь, тут тоже одну кобылку прикопали, чтобы до конца следовать традициям?

Что я могла на это ответить? Знаете, как бывает, когда в темной подворотне каждая отбрасываемая кустом сирени тень кажется страшным чудовищем? Так вот, в этом месте, стоя в сумерках и глядя на тотемное изображение лошади, я была готова поверить во что угодно, даже в пасхального кролика и Деда Мороза.

Михаил указал на ограду, которая начиналась сразу за декоративным столбом. «Конно-каретный двор» – значилось

на небольшой вывеске, выполненной в том же этническом стиле. За ограждением весело помахивала хвостом пегая лошадка.

– Не хочу думать об убийствах животных. И вообще, не нравится мне твоя затея. Сам сказал, что Столетов в деньгах не нуждается, но отелем занимается вплотную, как занимаются любимым детищем, а мы собираемся по нему ударить. Как бы не получить сдачи.

– Вот теперь узнаю свою Ринку-пессимистку. И, как обычно, прошу довериться. Я тебя хоть раз подводил?

– Нет, – пришлось ответить мне.

И ответить чистую правду. Какие бы дурацкие, на первый взгляд, идеи не приходили Мишке в голову, они обычно сбывались. Притворился ли он сотрудником СЭС, что пришел в ресторан с проверкой на три часа раньше намеченного времени. Разумеется, чтобы подловить. Но не вышло, ресторан еще со вчерашнего утра чисто вылизан, посетители разогнаны, дабы не топтали... Но кто ищет, тот всегда найдет. Помнится, Михаил ушел из той харчевни с пачкой купюр и заботливо упакованными пирогом за пазухой. Не знаю, как его, а меня больше всего пирог порадовал. Я, кстати, месяц в этой забегаловке официанткой работала, очень старалась, меня даже повесить хотели.

А один раз он угнал фуру с товаром от распределительного центра сети супермаркетов. Собственно, угонял не он сам, Мишка в тот день там даже не появлялся. Просто к нему

попала информация, что отметка об отгруженном товаре появляется в системе центра с опозданием на тридцать минут, после того, как товар погрузят, и после того, как фура покинет территорию, а охранник зафиксирует ее выезд. Все, что Мишке нужно было сделать, это клонировать накладную и послать «свой тягач». На самом деле это было не так просто, как выглядело со стороны, но тем не менее, когда система выдала отметку, что один и тот же товар отгружен аж целых два раза, «наша» фура была уже далеко. Товар мы сбывли с большой выгодой.

Информация, как любил выражаться мой спутник, – краеугольный камень всего. А сейчас ему в руки попали сведения о Назаре Столетове и о его пропавшей без вести почти семь лет назад сестре. Именно эту карту мы намеревались разыграть.

– Тогда завязывай портить мне настроение, – сказал Мишка, сворачивая на очередную, выложенную плиткой, дорожку. Лошадь настороженно посмотрела ему вслед.

Мы миновали два коттеджа: первый – стилизованный под русскую избу, второй – под прятничный европейский домик, обогнув который, освещаемая фонарями тропинка пошла вниз. А мужчина вдруг остановился, обернулся и с улыбкой произнес:

– Мы на правильном пути, – и указал рукой вверх.

Я подняла голову и увидела еще одну деревянную вывеску. «Тропа Кэтрин» – было вырезано на дощечке, что пока-

чивалась у нас над головами. Я снова почувствовала озноб.

– Значит, именно здесь она прошла тем утром, – задумчиво протянул Михаил и добавил: – Открой вторую вкладку.

Я посмотрела на его смартфон, который все еще держала в руке, и провела пальцем по экрану, загружая следующую страницу. На этот раз это был не сайт, а папка в облаке, куда мой спутник скопировал все, что смог найти о пропавшей несколько лет назад девушке.

– Было раннее утро, начало апреля. Наверняка холодина жуткая. – Он поежился.

– Свидетель, уборщица проживающая в Медведино, в своих показаниях отметила, что девушка вышла из главного корпуса босиком и без куртки, всего лишь в джинсах и свитере, – прочитала я с экрана, куда вывела копии опроса свидетелей того давнего происшествия. – Женщина из местных? Может, с ней поговорить?

– Увы, я там ниже пометил, она умерла два года назад. Умерла от старости, никакого криминала.

Михаил развернулся и посмотрел на главное здание отеля. В сгущающихся сумерках оно походило на новогоднюю елку с зажженными огнями. На самом деле зданий было три. Первое, построенное еще в далеком две тысячи девятом году, где располагался основной номерной фонд, было высоким в шесть этажей, а вот окружающие его елки не дотягивали даже до третьего. Рядом располагалось самое новое четырехэтажное, возведенное, если верить информации на сай-

те, три года назад. Именно в нем находилась стойка администрации и чучело медведя. А за ним, застенчиво выступая сбоку, стояло третье, самое невысокое, двухэтажное здание с мансардой. Корпус, построенный еще при Кэтрин. На первом этаже располагались ресторан, бассейн, один из круглосуточных баров, а на втором – люксы и, думаю, тот самый номер для молодоженов, что предлагала нам администратор Анфиса. А в мансарде жил сам Столетов. Там же жила и его сестра. Именно оттуда она вышла в то роковое утро, касаясь босыми ногами этих плиток.

Все три здания стояли близко друг от друга и соединялись между собой коридорами на уровне второго этажа. Со стороны казалось, что корпуса отеля кто-то нанизал на гигантскую нитку.

– Кэтрин, – повторил Михаил, словно пробуя имя на вкус. – Странное имя, особенно для России.

– По мне так странные – это Апраксия и Святогор, – буркнула я. – Встречала я парня, которому с родителями не повезло, и они назвали его Боромир, а Кэтрин на этом фоне вполне нормально.

– Может быть, может быть. – Михаил пнул камень. – Ее дед по материнской линии был французом, который женился на русской, решил сменить родину и строить у нас социализм, но оставил свою фамилию. У них родилась дочь, а у той, в свою очередь, его внучка. Смешно получилось, если бы ее звали Кэтрин Иванова, а вот Кэтрин Легне – вполне

нормально звучит, с претензией, я бы сказал. Особенно, если учесть, что язык далекой родины она знала, так как была этим... языковедом?

– Лингвистом, – ответила я, сверившись с информацией из файла. – Интересно, а почему Кэтрин не носила фамилию отца?

– Не знаю, – протянул Михаил. – А поскольку он умер, уже и не спросишь. – Он отвернулся от здания отеля и предложил: – Давай все же пройдем по тропе Кэтрин до конца.

Мы стали спускаться со склона, обогнули беседку для пикника и еще несколько тотемных столбов, но они стояли в отдалении, я не смогла разглядеть, что на них вырезано. Миновали теннисный корт, в это время года пустой и засыпанный листьями, а потом тропа закончилась. По русской народной традиции она уперлась в забор. Калитка, по той же самой традиции, находилась чуть левее и была заперта, как смог удостовериться Михаил, коснувшись пальцем большого навесного замка.

– Интересно, они стали запирают ее после случая с Кэтрин или у нее был ключ?

– Ни то, ни другое, – ответила я, снова вызывая на экран страничку с официального сайта отеля. – Теннисный корт построен в две тысячи пятнадцатом, через три года после исчезновения девушки, а это значит...

– Это значит, что тогда территория отеля была меньше, скорей всего, забора на этом месте еще не было, а тропа, –

он ухватился за край забора, подтянулся на руках и заглянул на ту сторону, – не была выложена плиткой, во всяком случае, не вся. – Михаил вдруг уперся ногами в металлический лист, из которых состояло ограждение, подтянулся и одним движением перебрался на ту сторону.

– Мишка, что ты делаешь? – прошипела я, убирая смартфон в карман.

– Давай сюда, Ринка! Уверяю, с этой стороны намного интереснее, чем с той.

– Обойти, что ли, нельзя? Черт бы тебя побрал! – от души пожелала я, отступила на несколько шагов, разбежалась, подпрыгнула и тоже ухватилась за верхушку забора и тут же зашипела от боли, когда край листа впился в ладони. Будь он более тонким, осталась бы без пальцев. Но я все же подтянулась и даже умудрилась взгромоздиться на забор, а не свалиться на пятую точку.

– Прыгай, я тебя поймаю, – пообещал Мишка и, надо сказать, слово сдержал. Поймал, когда я грохнулась в его раскрытые объятия, и мы вместе повалились на мокрую от дождя траву. Я – все еще чертыхаясь, а он – хохоча. Понятия не имею, что его так развеселило.

– Ну и что здесь интересного? – спросила я, поднимаясь.

– Да хотя бы вот это, – мужчина тоже встал, отряхнул джинсы от налипших веток и листьев и указал рукой в сторону, туда, где за темными силуэтами кустов виднелась черная гладь реки. Я почувствовала запах воды и гнилой травы.

Воздух стал еще холоднее. Тропа, по эту сторону забора самая обычная, грунтовая, спускалась к темным и казавшимся такими ненадежными мосткам, а рядом с ними... Рядом с ними стоял высокий деревянный крест.

– Да он спятил! – вырвалось у меня.

– Можно и так интерпретировать, – согласился Михаил. –

Но думается мне, Столетов грехи замаливает

– Грехи? – Я стала спускаться к реке.

– Кресты нужны лишь живым, мертвым они без надобности, – сказал он как раз тогда, когда я остановилась возле деревянной конструкции. – Что-нибудь разглядела?

– Тут табличка и надпись.

– И что пишут? – Михаил обошел меня и первым вступил на мостки, что нависали над водой.

– «В память обо всех невинноубиенных», – прочитала я.

– Согласись, это актуально всегда. Категория «невинноубиенные», я имею в виду, пополняется ежедневно, и памятников на каждого не напасешься. Занятно, что другие убиенные такой чести не удостоиваются.

– Прекрати паясничать, – попросила я, отошла от креста и остановилась рядом с Мишкой, который продолжал смотреть на воду. – Значит, именно отсюда она прыгнула?

– По версии следователей, да. Последним ее видел один из постояльцев. Мужу не спалось, и он потащился в пять утра в бар опохмелиться, взял пиво и стал слоняться по территории. Там и заметил девушку, идущую к реке. Запомнил,

потому что на ней был красный свитер, который потом нашли в воде. Погоди-ка, – мужчина встал, раздвинул ветки ближайшего кустарника и вытащил оттуда длинную сучковатую палку. Вернулся, присел на корточки и опустил ветку в воду. Она ушла вниз меньше чем на треть и уперлась в дно. – Не скажешь, что тут особо глубоко. – Он разжал пальцы, и ветку потащило вниз по течению.

– Во-первых, семь лет назад уровень воды мог быть выше...

– Придется это выяснить, – перебил он, поднимаясь. – А во-вторых?

– А во-вторых, течение очень сильное. – Я проводила взглядом ветку. – И вода наверняка ледяная.

– Хочешь, для чистоты эксперимента проверить? Попробовать себя в роли Кэтрин? Исключительно для пользы дела.

– Уволь меня от чужих мелодрам, у меня и своих навалом.

– И все-таки, чтобы тут утонуть, нужно очень постараться. Но она прыгнула и исчезла на без малого семь лет, а мы собираемся потревожить ее покой.

– Да ты романтик, – попеняла я.

– Рад, что ты наконец оценила. И как истинный рыцарь, я предлагаю не лазать снова через забор, а прогуляться вдоль него. – Он взял мою руку и положил себе на локоть.

– Ну как я могу отказать? – рассмеялась я, только вот это веселье было слегка нервным. Прежде чем уйти, я посмотрела на крест. В сумерках он казался черной зловещей грома-

диной, а еще... Рядом с ним кто-то стоял, может, маленькая хрупкая девушка, а может, свет угасающего дня неудачно лег на желтоватую листву. Скорей всего, последнее. Должно быть последнее. Всего лишь игра света и тени, потому что иначе... Я моргнула, и силуэт девушки исчез. Потому что иначе я попросту свихнусь. Или еще хуже, возьмусь за старое.

– А у него много земли, – задумчиво произнес Михаил через несколько минут и сам же себя поправил: – У нее. – И не без удовольствия указал на дорогу, шум которой доносился до нас сперва отдаленно, а потом все ближе и ближе. – А вот и наши благодетели.

Из-за поворота трассы уже показались кучи щебня и песка. Если проехать дальше, то можно увидеть тяжелую технику и оранжевые конусы на асфальте, алые фонари и дорожные знаки, предупреждающие, что идет реконструкция дороги. Вместо узкого двухполосного шоссе по федеральному проекту будет проложено широкое четырехполосное, напрямую соединяющее ближайший город с областным центром. Ключевое слово «напрямую», то есть изгибы, вроде того, на котором стоял «Медвежий угол», проектом не предусмотрены.

– Красавцы. – Михаил послал куче щебня воздушный поцелуй. И почему-то в его исполнении этот жест не казался ни глупым, ни пошлым. – Они сделают нас немного богаче.

Мы почти вышли к воротам гостиничного комплекса, фо-

нари разливали желтоватый масляный свет на дорогу.

– Посмотрим, – нейтрально сказала я. Из головы не шел черный крест и фигура под ним. Меня охватила тревога и паршивое чувство, что меня снова отстранили от управления собственной жизнью, совсем как ту ветку, которую понесло течением. Это ощущение не отпускало стой самой минуты, как мы проехали под деревянной аркой. Не отпускало, даже когда ночью Михаил навалился сверху, когда раздвинул мне ноги, когда ворвался внутрь грубо и быстро, шепча на ухо что-то непристойное. Он судорожно двигался, вжимая меня в матрас. Раз, другой, третий.... И горячо дышал мне в шею...

Черт, обычно я не такая бесчувственная и не всегда напоминаю бревно. Да и он не всегда такой нетерпеливый и считающийся только со своими желаниями. Под настроение мы могли кувыркаться до четырех утра к взаимному удовольствию. Любого другого утра, кроме этого.

Михаил издал короткий рык и замер.

– Извини, – прошептал он в темноте спустя одну томительную минуту. – Но у меня внутри все горит от предвкушения.

– Знаю, – ответила я, погладив его по волосам.

Я и в самом деле знала. Мишку всегда охватывало возбуждение и азарт, когда он шел на дело. А вот после завершения он мог спать сутками, вяло отмахиваясь от моих попыток расшевелить. Его возбуждала не столько женщина, сколько

предстоящая афера.

– И все равно прости, я был груб, – повторил мужчина, скатился с меня, поднялся и пошел в ванную

Я встала с кровати, не заботясь о том, чтобы прикрыть наготу. Я уже давно не воспринимала свое тело как нечто личное, как что-то интимное. Бывали времена, когда я просыпалась в незнакомых постелях, и это если ночь была удачная. А если неудачная, то и не засыпала, удовлетворяя двух-трех мужчин одновременно, а то и больше. Меня не интересовали ни стыд, ни мораль, ни самоуважение. Просто слова, пустые шелестящие фантики от конфет. Меня интересовало только то, чем эти мужчины платили. Деньги или героин. Последнее даже предпочтительнее, не нужно бежать к дилеру.

Я встала напротив окна и опустила голову. Следы на руках и ногах давно зажили. Трудно представить, что было бы со мной сейчас, не встретить я Михаила. Хотя, почему трудно? Очень даже легко. Ничего бы со мной не было. И меня бы уже не было. Наркоманы долго не живут, а уж шлюхи-наркоманки тем более.

Я посмотрела в окно, желая отвлечься от темных воспоминаний не менее темного прошлого, и сквозь полупрозрачный тюль увидела, как к центральному корпусу подъехал автомобиль. Большой серебристый и немного угловатый джип, такие машины еще принято называть мужскими. Машина замерла на парковке, фары погасли. Из авто выбрался мужчина и сразу направился к главному входу. Свет фонаря упал

на его светлые волосы. Возможно, это просто припозднившийся постоялец, но...

«Если он и превращается в медведя, то только в белого» – вспомнила я слова Михаила. Это был не гость. Это был хозяин.

Мужчина вдруг замер на верхней ступеньке крыльца и обернулся, словно почувствовав мой взгляд. Я даже отступила от окна, потому что на миг показалось, что он смотрит прямо на меня, что он видит, хотя в номере царила темнота, тогда как у главного входа в отель горели фонари. Этого просто не могло быть, у меня нервы сдают. И все же я продолжала отступать, пока не наткнулась спиной на неслышно вернувшегося в комнату Михаила и чуть не закричала от испуга.

– Он... – Я закрыла глаза, досчитала до трех и уже спокойным голосом продолжила: – Он приехал. Назар Столетов в отеле.

– Отлично, – ответил мой спутник. – Значит, завтра все решится. Ложись спать, Ринка.

Я легла, но заснуть смогла только под утро.

Глава 3

Собеседование

Мужчины молча смотрели друг на друга минут пять, здорово смахивая на ковбоев из вестерна, что разошлись по разные стороны улицы и готовились открыть огонь. Тишина была бы почти полной, если бы не крики чаек с ближайшей помойки, доносившиеся через открытое окно и нарушающие зловещее торжество момента.

Пять минут назад Михаил сказал Столетову, что мы полагаем сведениями о его пропавшей сестре. Хозяин кабинета тяжело вздохнул, бросил краткий взгляд на моего спутника и отвернулся к окну.

Добиться высочайшей аудиенции оказалось до смешного просто. Мы пришли, сказали, что хотим поговорить с Назаром Андреевичем, и нас тут же проводили в святая святых. Всегда бы так, а то помню, к директору книжного магазина пришлось прорываться боем. Бились в основном продавцы и те в истерике, так как не досчитались стеллажа с книгами.

А здесь все просто. Правда, сложности начались позднее. С этого многозначительного молчания. Михаил никогда не прерывал затянувшиеся паузы, давая оппоненту оценить нерадостные перспективы.

– Кэтрин умерла, – глухо сказал в конце концов Столетов.

– Я и не спорю, – мой спутник поднял руки в примиряющем жесте. – Но возможен и иной вариант. Всего лишь возможен.

– Она мертва! – повторил хозяин кабинета.

– С точки зрения закона, нет, – сказал Михаил, и Столетов резко к нему повернулся. – Тела так и не нашли, она пропала без вести шесть лет и пять месяцев назад. Через семь месяцев ее объявят погибшей и выдадут вам свидетельство о смерти.

– Не понимаю, чего вы хотите? – хозяин кабинета потер переносицу.

«Денег» – могла бы ответить я и сэкономила бы всем время, но в нашем деле спешка ни к чему. Оппоненту нужно дать время проникнуться идеей и понять бессмысленность альтернатив. Человек так устроен, если загнать его в угол, он начинает огрызаться, чаще всего даже во вред себе, а вот если дать ему выбор и подтолкнуть к нужному варианту... Предоставить выбор без выбора, как любил говорить мой спутник.

– Давайте пофантазируем, – предложил Михаил.

«Вот и альтернативы», – подумала я.

– Предположим ее нашли, но девушка была без сознания и не могла назвать имя...

– Вы не понимаете. – Назар Столетов горько усмехнулся. – Ее искали все: полиция, водолазы, лесники, добровольцы, частные детективы и охотники за головами. Я нанял всех,

кого можно было нанять за деньги. Реку Илеть прочесали ниже по течению частым гребнем, разве что сквозь сито не пропустили. Я лично ездил на опознание трех трупов, которые более или менее подходили по возрасту и описанию. Я разговаривал с десятками бродяжек, которых мошенники пытались выдать за Кэтрин.

– Ключевые слова «выше по течению», – вставил Михаил, на которого речь хозяина кабинета не произвела ни малейшего впечатления. – Выслушайте меня до конца, а потом делайте выводы.

Столетов переплел пальцы и положил руки на стол. Он по-прежнему смотрел только на Михаила, игнорируя меня.

– Через сутки после исчезновения вашей сестры в десяти километрах выше по Илети нашли девушку. Она была сильно изранена и избита. Десять дней, пока велись полномасштабные поиски, неизвестная пролежала в избе местной то ли шаманки, то ли повитухи. Потом до той дошло, что силы духов и куриного бульона явно маловато для излечения и не худо бы антибиотики подключить. И она обратилась за помощью в сельсовет, те вызвали участкового, тот, в свою очередь, «скорую» и составил протокол. Вот он собственно. – Михаил положил перед Столетовым планшет и вывел на экран нужный документ. – А вот фото из личного дела и первичного осмотра. Из участкового фотограф так себе, но уж как есть.

Протокол, на который Назар едва взглянул, сменился фо-

тографией.

– Узнаете? – спросил мой спутник.

Взглянув на экран, Столетов едва заметно вздрогнул. И было с чего. Зря Мишка ругал участкового, тот сделал вполне приличный снимок. С экрана на нас смотрела женщина, лицо которой долго и со всем старанием использовали в качестве боксерской груши. Глаза заплыли, нос посинел, нижняя губа опухла, челюсть подвязана бинтом и только светлые волосы оставались красивыми. Узнать Кэтрин было весьма затруднительно. Любому другому, кроме ее брата. И если бы в свое время эту фотографию показали Столетову, все могло бы сложиться по-другому.

Рука хозяина кабинета дрогнула, как будто он хотел погладить изображение, а потом, передумав, сжал кулак и ледяным тоном произнес:

– Выше по течению? Но как она там оказалась? Ее не могло принести рекой... течение...

– Вы совершенно правы, не могло. А значит, она попала туда иным способом. Знаете, прыгающие с обрывов девушки редко себе представляют, что последует за этим. В их грезах все плачут, казнят себя за невнимательность к усопшей, страдают. Но реальность такова, что вместо сладких грез о всеобщем горе, тебя бьет о камни, ледяная вода не дает сделать и вздоха, тебе страшно и больно...

– Хватит! – рявкнул Столетов.

– Илеть в этом месте мелкая, – не слушая его, продолжил

Михаил, – но быстрая. Могу предположить, что девушка все-таки прыгнула, но вот утонуть с первого раза не получилось. Лишь воды нахлебалась, да синяками обзавелась. Вот она и решила сбежать. Это ведь не так болезненно. Хотя, – мой спутник посмотрел на фотографию Кэтрин, – судя по ее состоянию, и это прошло не так гладко, возможно, она свалилась в овраг или еще что, по лесу тоже надо уметь ходить. Вот я, например, не умею.

– Вы думаете, что она сбежала?

– Не знаю. Вам виднее. Но когда человека не могут найти, это значит он либо мертв, либо очень не хочет, чтобы его нашли. Вы верите в первый вариант, я во второй.

Столетов несколько минут обдумывал его слова, а потом глухо проговорил:

– Продолжайте.

– У девушки была сломана челюсть и спутано сознание, так что с вопросами к ней до поры до времени не приставали.

– Почему, – прервал его Столетов, – не вызвали меня?

– А вот тут я вам точно не скажу. Может, потому, что территориально село, в котором нашли потерпевшую, относилось к другому району и находилось в стороне от рейсового леса, где все еще велись поиски? А может, ее все-таки спросили, не она ли Кэтрин? Она же могла кивать, в конце концов. И думаю, девушка ответила отрицательно. Наверное, кое-какие причины скрываться у нее имелись. Но как итог, мы имеем то, что имеем. Вы бегали по моргам и ноч-

лежкам, девушка медленно шла на поправку в соседнем областном центре. Но... – Михаил вывел на экран новый документ, а именно медзаключение, – если телесные раны зажили, то с душевными все оказалось не так просто. У нее начались кошмары, потом перепады настроения. А поскольку свое имя она так и не назвала, неизвестная была направлена в областную психиатрическую лечебницу. И по дороге сбежала. Вряд ли за ней сильно следили. Она не была агрессивна, не проявляла суицидальных наклонностей, обычная растерянная женщина, которая потеряла себя в этом мире. Думаю, ей даже сочувствовали. И нет ничего проще, чем попроситься в туалет, а потом исчезнуть. Происшествие отражено в докладной записке на имя главврача. – Он вывел на экран следующий документ. – На этом можно было бы смело считать историю Кэтрин законченной, если бы не одно «но». Вот оно. – На экране появилась фотокопия еще одного документа. – Протокол об утере, возможно, краже паспорта. Потерпевшая сама толком не знала, оставила она где-то документ или его увели. Это произошло за день до перевода безымянной пациентки в психиатрическую клинику. А лишившаяся паспорта девушка лежала в терапии том же крыле, что и ваша предположительно сестра. Просто удивительно, что никто не связал эти два происшествия.

– Кроме вас, – вставил хозяин кабинета, рассматривая фотографию на ксерокопии пропавшего паспорта.

– Кроме меня, – не стал спорить Михаил.

– Если бы семь лет назад вы были в моей команде и помогли найти сестру, я бы вас озолотил.

– Не волнуйтесь, у вас еще будет такая возможность. Я могу продолжать?

– Извольте.

Ого, в комнате, казалось, даже воздух похолодел от их взаимной ледяной вежливости.

– Пропал паспорт на имя Нины Ариной. Вижу, вы уже обратили внимание на фотографию. Ничего примечательного, невыразительное личико, волосы неопределенного цвета, да таких серых мышек на улицах воз и маленькая тележка, хоть каждую вторую хватай, даже Ринка с натяжкой подойдет.

Стало не по себе, когда мужчины посмотрели на меня. Мишка с усмешкой, а хозяин кабинета вскользь.

– Ей только волосы выбелить придется, – добавил мой спутник.

– Думаете, Кэтрин воспользовалась чужим документом?

– Уверен.

– Продолжайте, – хозяин кабинета откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Очень красноречивый жест. Уверена, Мишка тоже оценил.

– В доказательство этой версии могу сказать, что настоящая Нина Арина через год после выписки вышла замуж и стала Башитовой. Я даже наведалься к ней. Она до сих пор Башитова и абсолютно счастлива с мужем и двумя детьми. Про потерянный паспорт и не вспоминает. Но в официальных до-

кументах в две тысячи пятнадцатом году снова всплывает Нина Арина. И самое интересное, на этот раз она таки попадает в психиатрическую клинику в городе на сто километров севернее. Диагноз все тот же: психическая нестабильность, кошмары, к которым добавились плохо подавляемая агрессия и галлюцинации. У вашей сестры, насколько мне удалось узнать, были те же проблемы в подростковом возрасте? И она дважды попадала в стационар с нервным срывом?

– Моя сестра очень ранимый и впечатлительный человек, – пояснил Столетов. – А ее мать, – в голосе появилось плохо скрываемое раздражение, – слишком старалась сделать из дочери нечто совершенно обычное, обыденное, я бы сказал. Все, что выходило за рамки нормальности и отличало Кэтрин от других детей, безжалостно искоренялось. Уверен, вы уже в курсе, но когда ее мать умерла и мой отец взял Кэтрин к нам, ни одного срыва больше не случалось.

– До того дня, – вставил Михаил.

– До того дня, – не стал отрицать Столетов.

– Так или иначе, для Нины Ариной встал вопрос о шизофрении. По словам медсестры из диспансера, Нина все время бормотала что-то о мертвых душах, которые о чем-то ее просили. Прямо ремейк по Гоголю. Но диагноз так и не поставили. Спустя полгода в одном из переулков был найден труп девушки, кстати сказать, наркоманки со стажем, в кармане у которой лежал тот самый паспорт на имя Нины Ариной. Опознать погибшую не представлялось возможным, так

как кто-то разбил ей лицо в хлам, лобная кость настолько деформирована, что...

– Подробности оставьте при себе, – хозяин кабинета поморщился. – Итак, мы вернулись к тому, с чего начали. – Моя сестра мертва. Вы хотите, чтобы за эти сведения я вам заплатил?

– Именно.

– Но зачем? Вы сами сказали, через несколько месяцев мне и так выдадут свидетельство о смерти. Я выслушал вашу занимательную историю, а теперь...

Я покачала головой. Назар даже не предполагал, что отыгран только первый акт пьесы и отыгран блестяще, без единой фальшивой ноты.

– А теперь обратите внимание вот на эту строчку. – Михаил снова пододвинул к Столетову планшет. – Вы знаете, что в случае насильственной смерти вскрытие проводят в обязательном порядке? В принципе ничего нового они не узнали, за исключением... – Он постучал пальцами по экрану. – За исключением того, что девушка, называющая себя Ниной Ариной и похороненная на городском кладбище Ольска как невостребованная, минимум один раз рожала.

– Вы хотите сказать... Но этого просто не может быть! – Столетов все-таки посмотрел на меня. И не просто посмотрел, а словно гвоздями к стенке приколотил. – Вы хотите сказать, что где-то там растет моя племянница или племянник? – На этот раз он не сдержался и схватил планшет. – Где

он? Где она оставила ребенка?

– Она нигде его не оставляла, – не выдержав, ответила я.

А Столетов скривился, отложил планшет и горько повторил:

– Конечно, не оставляла. Только не Кэтрин. Не моя Кэтрин. Иначе вы бы его или ее нашли и явились бы сюда с этим тузом в рукаве.

– Я действительно его искал, – кивнул Михаил. – Но не нашел ни роддома, ни записей в книге регистрации, а это само по себе показатель. А был ли мальчик? Но мы с вами просто болтаем, строим предположения. Не более. И в рамках этой дружеской беседы позвольте поинтересоваться, земля на которой построен ваш отель, принадлежала Кэтрин? – Столетов промолчал, так как вопрос был риторическим. – Она унаследовала ее еще в детстве от деда по отцу, который был местным шаманом. А это, – мой спутник указал пальцем вниз, – было его капищем, или как там оно правильно у шаманов называется. Он завещал эту землю внучке в обход сына. Отель «Медвежий угол» – ваш совместный проект с сестрой. Ваши деньги, ее земля. И вы получите участок через семь месяцев по завещанию как единственный наследник, если только не объявится еще один. – Михаил замолчал, дав Назару возможность осмыслить сказанное, а потом продолжил: – Если только, кто-то не увидит маленькую вероятность того, что этот наследник существует. А теперь подумайте, кто зацепится за эту вероятность руками и ногами?

Кому позарез нужна эта земля? Кому, как кость в горле, этот ваш «Медвежий угол»?

– Областному департаменту, – глухо ответил хозяин кабинета, и мы все, как по команде, посмотрели в окно, хотя отсюда не было видно ни куч щебня и песка, не слышно гула тяжелой техники. Столетов выдохнул и уверенно заявил: – Я докажу, что ваша эта Нина Арина не имеет никакого отношения к Кэтрин. Существуют тесты ДНК, я добьюсь разрешения на эксгумацию, благо вы сами сказали мне, где ее похоронили.

– Хорошая идея, – согласился Михаил. – Просто отличная в любом другом случае. Но нам с вами прекрасно известно, что это не сработает. Ваш отец усыновил Кэтрин, когда той было одиннадцать лет. Вы не кровные родственники, хотя упорно называете ее сестрой. Наверное, это отчасти оправданно, ваши отцы были лучшими друзьями, почти братьями. И ваш не мог позволить, чтобы единственная дочь его друга, волею случая оставшаяся без родителей, внука последнего шамана, оказалась в приюте и оформил опеку. Так что вам просто не с чем сравнивать ДНК эксгумированных останков. Ее родители, согласно последней воле, кремированы. Других родственников нет.

– Я могу сравнить ее ДНК с ДНК ее деда по отцу, он похоронен...

– Здесь, если мне не изменяет память, – он снова указал вниз. – По многовековой традиции, шамана закапывают под

тотемным столбом. Вряд ли он предполагал, что вы с Кэтрин закатаете старую индейскую землю в бетон и постройте ночлежку для толстосумов. Поймите меня правильно, будь я на вашем месте, поступил бы точно так же или просто продал землю. Но давайте взглянем на ситуацию реально, вам не с чем сравнивать останки.

Столетов резко поднялся, отвернулся от Михаила и прошел мимо полка с книгами.

– Но знаете что? Вы мне нравитесь, другой бы уже давно попытался выкинуть меня из кабинета или вызвал бы охрану.

– Я как раз раздумываю над этим.

– Прекрасно, но пока раздумываете, позвольте порассуждать. На чем я остановился?

– На том, что он тебе нравится, – подсказала я.

– Точно. И почти уверен, что слей я всю информацию в департамент, вы все равно в итоге добьетесь своего. Дойдете до суда, но докажете, что та девушка не Кэтрин, независимо от того, правда это или нет. Отсутствие контрольного ДНК может играть и в вашу пользу. Но это займет время. Судопроизводство нынче неповоротливо. Год, два, больше. За это время может случиться все, что угодно. Например, на землю будет наложен арест, а служба городского хозяйства получит разрешение на прокладку дороги напрямик, а не огибая ваш отель. А если дорога будет построена, отыграть назад уже не получится. Никто не вернет вам «Медве-

жий угол», хоть вы триста раз докажете в суде свою правоту. Повинятся, будут говорить об ошибке, уволят какого-нибудь клерка, сделав его козлом отпущения, а вам даже выплатят компенсацию.

Столетов отошел от окна и остановился напротив этажерки, где были собраны декоративные предметы старины. Какие-то черепки, глиняные фигурки, миниатюрные деревянные жезлы. На стене висел обтянутый кожей шаманский бубен. Видимо, тоже часть наследства от предков.

– Не говоря уже о том, что все это: суд, сбор доказательств, анализы, эксгумация – обойдется вам в астрономическую сумму. У меня запросы куда скромнее. – Михаил взял со стола бумажку и быстро написал несколько цифр и показал обернувшемуся Столетову. Хозяин кабинета дернул уголком рта, без сомнения сраженный «скромностью» моего спутника в самое сердце.

– Откуда мне знать, что вы не продадите эти сведения департаменту сразу после того, как я вам заплачу? Или не вернетесь через месяц за новой дотацией? – спросил Назар, проводя пальцем по вырезанной из камня фигурке широкоскулого человека.

– Я вас умоляю, в бюджете области денег, может, и побольше, чем у вас, но выпросить у них копейку просто нереально, Уцепиться за информацию, они уцепятся, но вряд ли что-нибудь заплатят. Я не люблю работать бесплатно. А что касается вашего второго предположения, то, как бы абсурд-

но это ни звучало, но у меня есть определенная репутация...

– В мире мошенников? – уточнил Столетов и сжал в ладони один из деревянных жезлов, очень похожих на миниатюрные копии тотемных столбов, что стояли перед отелом. Только на этом была вырезана морда медведя, а вместо глаз вставлены алые стекляшки. Я все-таки схватилась за свою деревяшку на шнурке. Мне уже приходилось видеть, что может натворить в умелых руках такая штука. Кажется, приходилось. Но с большей долей вероятности это был очередной героиновый сон. Но сейчас этот безобидный, по сути, жест хозяина кабинета заставил меня покрыться испариной.

– Именно там, – как ни в чем не бывало ответил мой спутник. – Я продаю информацию, Назар Андреевич, и если пройдет слух, что Михаил Кречетов продает ее и вашим и нашим, да еще и не гнушается взимать двойную плату, никто больше не купит у меня даже прогноза погоды. Если информация продана, значит она продана. Как только я получу деньги, вы получите оригиналы всех документов, которые я вам тут демонстрировал. Мы уедем, и через семь месяцев вы вступите в права наследства.

– Что ж... – Столетов побарабанил пальцами по жезлу. Не выдержав, я отступила на шаг назад, почти прижавшись спиной к двери кабинета. Ничего не могла с собой поделать. Это движение не укрылось от хозяина кабинета. Мужчина скуп улыбку и, словно приняв какое-то решение, разжал ладонь, деревяшка стукнулась о глиняный горшок с алым ор-

наментом. – Я должен подумать.

– Без проблем. – Михаил поднялся и подхватил планшет. – Думайте, а мы пока отдохнем в вашем чудесном отеле.

– Будьте моими гостями. – Столетов улыбнулся, только от этой улыбки веяло холодом. Арктическим.

– Он проверит каждое твое слово, – прошептала я Михаилу, когда мы спустились на первый этаж второго корпуса. – А попутно попытается накопать что-нибудь на нас с тобой.

– Само собой, – согласился мой спутник. – Это, моя дорогая, называется торг.

Я вздохнула. Когда Мишка называл меня «дорогая», это означало, что он мной недоволен.

– Он попытается сбить цену. Я буду стоять на своем, потом немного сбавлю, и мы ударим по рукам. Так что, пусть копает в свое удовольствие. – Мишка распахнул дверь, выпуская меня на улицу. – Я чист перед законом, аки агнец божий.

«Ты-то чист, а вот я нет», – мысленно заметила я, оборачиваясь, где-то на детской площадке плакал ребенок.

– Позволь тебя спросить, – Мишка встал напротив и посмотрел в глаза, – что за реплика не по сценарию? «Она нигде его не оставляла», – передразнил он.

– Он должен знать, за что именно платит. Не за информацию о несуществующем наследнике, а за ее отсутствие. За наше молчание о судьбе его сестры. Сам сказал, у тебя ре-

путация.

– Так то оно так, но на будущее прошу тебя не влезать с фразами, которые позволят клиенту соскочить с крючка. Пусть бы гадал, пусть бы сомневался, его метания нам только на руку.

– Прости, – пробормотала я, не чувствуя, впрочем, особого раскаяния.

– Считай, забыли. А сейчас, – он бросил взгляд на часы, – мне нужно смотаться в город.

– Схожу за сумочкой.

– Одному, – остановил меня Мишка.

– Наказываешь?

– Так заметно? – Мужчина улыбнулся и добавил: – Мне просто нужно кое-что проверить. – Он притянул меня к себе и поцеловал в висок. – Ну как? Можно оставить тебя здесь одну? Медведи не съедят?

– Отравятся. – Я заставила себя улыбнуться, а Михаил подмигнул мне и, все еще посмеиваясь, направился к парковке.

Глава 4

Организация досуга

Я сходила в бассейн, а потом в ресторан. В первом продемонстрировала фигуру, во втором отсутствие аппетита. И почти каждую минуту проигрывала в голове тот или иной отрывок разговора с Назаром Столетовым. Вспоминала единственный взгляд, брошенный на меня. Что было в его глазах, когда Михаил намекнул на ребенка? Злость? Страх? Презрение? Наверное, все вместе. Но я заметила еще кое-что. Он боялся потерять не отель и не землю. На миг он до ужаса испугался, что где-то там, в большом враждебном мире, живет родная душа, маленький человечек, который нуждается в нем. И плевать Столетову на деньги. Не прав Михаил, подтверди мы наличие ребенка, хозяин отеля стер бы нас в порошок. И одновременно прав, отчитав меня. Паутина, что мы сплели из толики правды, уймы предположений и капли откровенной лжи, очень тонка, дернешь не за ту нить, и развалится.

Ближе к вечеру я спустилась в бар, Михаил еще не вернулся, и мне абсолютно нечем было заняться. Я так и не решилась ему позвонить, полдня ходила по номеру, переходя от воодушевления к отчаянию. Последнее и подтолкнуло меня к выходу. Я просто пошла на звуки музыки и смеха. Пусть

постояльцев и немного, но те, что были, отрывались по полной, смеялись, танцевали, пили, какая-то парочка даже просила включить караоке. Я устроилась за крайним столиком, заказала вина и теперь вертела бокал в руках, так и не решаясь отпить. Это, скорее, был реквизит, позволяющий мне находиться здесь и даже представлять себя обычной девушкой, которая позволила себе отдохнуть после трудовой недели, которая может улыбаться и которая вполне может сыграть партию в бильярд.

До меня доносились звуки, с которыми сталкивались шары, мужской смех, иногда беззлые ругательства, когда удар выходил не совсем удачный. Я видела край бильярдного стола, что выступал из правой ниши за баром. Точно такой же стол стоял в левой нише, но пока пустовал.

– Кто-нибудь еще желает попробовать? – услышала я ироничный мужской голос, повернула голову, увидела светловолосого мужчину и сжала ножку бокала.

Хозяин отеля решил снизойти до простых смертных и теперь методично обыгрывал своих немногочисленных гостей в бильярд.

– Что, никого? – Столетов остановился рядом с барной стойкой. – Макс, может, ты потрянешь стариной? – посмотрел он на бармена.

Не знаю, как насчет старины, но старыми ни тот ни другой не выглядели, скорее уж наоборот.

Бармен рассмеялся и, покачав головой, ответил:

– Только зря деньги терять, а у меня лишних нет. Разве что поднимешь мне зарплату вдвое, а лучше втрое. Учтите, – последнее адресовалось к подошедшему к стойке за выпивкой молодому мужчине в вязаном свитере, – говорят, единственным, человеком, которому удавалось обыграть Назара, была его сестра Кэтрин. Так что последние семь лет босс – абсолютный чемпион.

Интересно, заметил еще кто-нибудь кроме меня, как при имени сестры напрягся Столетов?

– Раз меня могла обыграть какая-то девчонка... – хозяин отеля улыбнулся двум девушкам за ближайшим столом, – то сможете и вы.

Девушки захихикали, но ни одна не вызвалась.

– Тогда может быть вы? – спросил Столетов у парня с бутылкой пива, но тот покачал головой, предпочитая выпивку бильярдному кию. – Тому, кто меня обыграет, не нужно будет оплачивать счет, – предложил Столетов. – Как вам такая ставка?

Кто-то рассмеялся, кто-то одобрительно присвистнул, явно раздумывая, не принять ли заманчивый вызов. А Столетов вдруг повернулся и посмотрел через два столика прямо на меня.

– Вижу, вы хотите попытать счастья? – На этот раз его взгляд совсем не казался враждебным, он был скорее заинтересованным, как может быть заинтересована змея встречей с кроликом. – Только не говорите мне, что вы трусиха.

Детская подначка, но я решила поддаться. Почему бы и нет? Михаила рядом нет, и я вполне могу развлечься. Так ведь? Я отставила бокал и поднялась. По залу покатился гул. Столетов улыбнулся краешком губ и протянул мне кий. На миг наши пальцы соприкоснулись. Гладкое дерево под рукой, тепло его кожи лед взгляда – убийственное сочетание.

Я взяла кий из его ладони и вдруг подумала, что он затеял это представление для меня. Очень уж не вязался этот карикатурный вызов с тем, что я знала о хозяине «Медвежьего угла», не вязалось с тем мужчиной, что разговаривал с нами в кабинете. Назар Столетов не был клоуном.

– Играли раньше? – спросил мужчина, отводя в сторону тяжелую портьеру и пропуская меня в нишу к бильярдному столу. Отдыхающие мало-помалу возвращались к своему отдыху, к разговорам и выпивке. Наблюдать, как кто-то гоняет шары не так интересно, как смотреть на кривляющегося хозяина отеля.

– Играла. Давно.

– Самое время это исправить. – Он указал на стол с зеленым сукном, на пирамиду шаров. – Окажите честь и разбейте.

Не отвечая, я подняла кий и ударила. Никогда не была сторонницей пустых разговоров. Два шара сразу ушли в лузы. Не самый худший удар, но и не самый лучший.

– Вы не перестаете удивлять меня... Рина, если не ошибаюсь?

– Вы знаете, что не ошибаетесь, Назар Андреевич.

– Просто Назар, давайте сразу перейдем на «ты», какие могут быть расшаркивания между нами, – сказал он, когда я ударила второй раз. Очередной шар исчез. – И я снова восхищен.

Он странным старомодным жестом, который я не раз видела в кино, прижал руку к груди. Нет, не к груди. К сердцу. Наверное, именно поэтому свой следующий удар я смазала. Ага, от счастья, что смогла поразить этого медведя в самое сердце. Надо ли говорить, что я была излишне оптимистична?

Назар ударил по шару, и тот, отскочив от борта, исчез в лузе.

– Защищаете... защищаешь чемпионский титул?

– Ты же не думала, что я сдамся без боя? – Еще один шар исчез.

– Ни в коем разе, – пробормотала я, наблюдая, как от следующего удара шар ударился об борт, отскочил и замер на краю.

– Прошу, – Столетов приглашающе взмахнул рукой.

Я загнала в лузу его шар, а потом еще один.

– Где твой спутник?

– Где-то, – ответила я, немного ошиблась с траекторией и ударила в молоко.

– Ищет что-то еще, чем меня можно зацепить и стрясти побольше денег?

В его голосе слышалась напускная веселость, но я откуда-то знала, что спрашивает он вполне серьезно. Наверное, поэтому и не стала врать.

– Скорей всего. – Я оперлась о стол и спросила: – Возвращаешься?

– Да нет, скорее предвкушаю. А ты? – Он ударил в очередной раз и загнал в лузы сразу два шара.

– Я «что»?

– Предвкушаешь развлечение? – Он встал рядом.

– Предвкушаю проблемы, – ответила я. Истинную правду, между прочим.

– Проблемы незачем предвкушать. – Он прошел мимо и задел меня плечом. Нарочно задел. – Развлечения куда приятнее, – добавил мужчина и посмотрел на меня. Нет, не просто посмотрел, а оглядел с головы, от мысков ботинок до растрепанных волос на макушке. Правда, на несколько секунд его взгляд задержался на груди. Что бильярд с людьми делает, то презрением обливал, а тут, надо же, на грудь заглядывается. Эх, было бы на что заглядываться.

– Не спорю.

– Ты всегда такая покладистая? – Он поднял руку, и я почувствовала, как его пальцы коснулись моего плеча, скользнули выше, к ключице. Вроде бы простенький жест, даже не особо интимный, но звуки вдруг отдалились. Разговоры, смех, звон бокалов и даже удары шаров, кто-то в соседней нише все же начал свою партию, все стало едва слышным,

словно кто-то повернул ручку громкости на минимум.

– А что, есть желание проверить? – спросила я в тот миг, когда его рука замерла у шеи. Замерла там, где бешено бился пульс.

– Нет, – вдруг ответил Столетов, продолжая смотреть мне в глаза. И то, что я видела в его, совершенно не соответствовало словам. А ведь он не похож на мужчину, который врет самому себе. – Не заслужила.

Не знаю, чтобы я ответила, скорее всего, просто пожала бы плечами. Не расписывать же ему свои заслуги перед отечеством, ибо эти заслуги такого рода, что любого мужика Кондратий на месте хватит. Вместо слов я наклонилась над столом и ударила, провожая взглядом крутящиеся шары. Я могла бы выиграть, но в последний момент смазала удар. Бармен сказал, что хозяйина отеля побеждала только Кэтрин. Пусть так и остается.

– Трусиха, – прошептал Столетов, стоя за моей спиной, от мужчины не укрылось мое колебание.

Возразить было нечего. Мне и не пришлось, потому что в этот самый момент где-то закричала женщина. И не просто повысила голос, как жена на пьяного мужа, а заверещала.

– Что за черт? – Назар обернулся.

– Господи, что же это... – визг сменился надрывными причитаниями.

Столетов выскочил в зал, где уже поднимались со своих мест немногочисленные отдыхающие. Я бросила кий на стол

и побежала следом. Люди больше не смеялись, из соседней ниши, где стоял точно такой же стол, выглянули два молодых парня, один из них держал кий, второй пиво. Бармен, еще недавно шутивший и просивший прибавки к жалованию, напряженно смотрел на дверь, к которой быстрым шагом подошел Назар. Я догнала мужчину уже на улице. Далеко бежать не пришлось, всего лишь до развилки выложенной плиткой тропы, где мы вчера стояли с Михаилом, где он вчера едва не поцеловался с вырезанной на столбе головой лошади.

Столб и сейчас был здесь, освещенный скудным светом зажегшихся фонарей. И лошадь тоже была, но теперь она лежала на тропинке, только не деревянная, а самая что ни на есть настоящая. Живая... Вернее, еще недавно бывшая таковой. Стоящая рядом девушка в костюме для верховой езды всхлипнула. Ей, как маленькой, пыталась закрыть глаза полная женщина в плаще. Но девушка упрямо мотала головой и продолжала таращиться на лежащую у подножия столба кобылу.

Назар опустил на колени, я заглянула и ему через плечо и шумно выдохнула. Женщина в плаще снова заголосила, меня так и тянуло к ней присоединиться. Шею лошади кто-то перечеркнул длинным и глубоким разрезом, из которого все еще вытекала кровь, но уже как-то вяло, большая часть успела просочиться между плит и впитаться в землю. Столетов достал телефон и включил фонарик, в его свете картина стала еще непригляднее, испачкавшая его брюки кровь при-

обрела кирпичный оттенок.

– Ох, доченька, говорили же нам, что этот отель построили на крови, – пробормотала женщина, – предупреждали. И вот нате вам, пожалуйста.

– Бабкины сказки, – услышала я голос, в котором, впрочем, не было особой уверенности, и обернулась. Позади стоял бармен.

– Уведи женщин, Макс, – не оборачиваясь приказал Столетов и коснулся шеи мертвой лошади.

Бармен посмотрел на меня, потом на продолжающую беззвучно плакать девушку и ее мать и сделал правильный выбор в пользу последних.

– Идемте. – Он коснулся плеча старшей женщины.

– Ры-рыска, – плачуще произнесла девушка, когда мать потянула ее в сторону.

– Мы с этим разберемся, – стал уговаривать ее Макс. – А вам нужно успокоиться и выпить горячего чая.

– Зачем кому-то... Зачем это сделали? Почему? Я не понимаю... – бормотала, уходя, та, что постарше.

– Хорошие вопросы, – вполголоса проговорил Назар, поднялся и бросил взгляд в направлении конюшни. Оттуда к нам уже бежали двое мужчин и миниатюрная женщина.

– Нужно вызвать полицию, – внесла ценное предложение я и даже успела представить, как скривился бы Михаил, услышав от меня подобное.

– Никакой полиции, – отрезал хозяин отеля. – Не хвата-

ло еще привлечь внимание каких-нибудь зеленых борцов за права животных. За инцидент сразу зацепится областной дорожный комитет. Блин, время выбрали – хуже не придумаешь, будто нарочно... – Он не договорил и посмотрел на меня. Нехорошо так посмотрел.

– Эй, я была с тобой, не забыл?

– Ты – да, а вот твой дружок? – Столетов огляделся, словно надеясь увидеть моего спутника с ножом в руке.

– Можешь мне не верить, но вряд ли Мишка приложил к этому руки. Во-первых, он не выносит вида крови и, пережешь горло кобыле, лежал бы сейчас рядом в глубоком обмороке, – сказала я и нисколько не покривила душой. Мой друг – мошенник, а не мясник. До сих пор помню, как парня вывернуло, когда он увидел меня на кухне за разделкой свежей рыбы, что уж говорить о лошади.

– А во-вторых?

– Во-вторых, он не из тех, кто пилит сук, на котором сидит. Мы с ним умеем считать деньги и видеть выгоду. А вот это, – я указала на мертвую лошадь и залитую кровью тропу, – совсем не выглядит, как выгода. Скорее наоборот. Шумиха вокруг отеля нам не нужна, так же как и тебе.

– Значит, осталось выяснить, кому нужна эта самая «шумиха», – сыронизировал Назар.

– Вряд ли кто-то хотел убить именно эту лошадь, – проговорила я, касаясь деревянного столба. – Поговори с наездницей, не думаю, что она привела свою Рыську на убой. Ско-

рей всего, девочка привязала ее здесь и отошла. Может, в туалет, а может, мать искала. Но кому-то этих нескольких минут хватило с лихвой.

– И этот кто-то должен быть по уши в крови, – констатировал Назар и посмотрел на подбежавших работников конно-каретного двора. Первой рядом с лошастью остановилась блондинка с короткой стрижкой.

– Рыська... Рыська, что же это делается? – спрашивала она так, словно кобыла могла ей ответить, но та молчала, и женщина переадресовала вопрос к хозяину отеля: – Назар Андреевич?

– Тихо, Ольга, нужно убрать тело. Ну-ка, – он повернулся к подбежавшим следом за блондинкой мужчинам с многообещающими надписями «охрана» на спецовках, – Макар, принеси брезент, Андрей, помоги мне. – Он бросил краткий взгляд через плечо и проговорил специально для меня: – Иди к себе.

Протестовать и дальше любоваться тушей лошади я не видела ни малейшего смысла, а потому ушла, оставив хозяина отеля разбираться в произошедшем.

Михаил вернулся ночью. Я слышала, как хлопнула дверь номера, как мужчина чертыхнулся, как скрипнула кровать, как качнулся матрас, уловила запах алкоголя и, когда его руки обвились вокруг моей талии, притворилась спящей. Сама не знаю почему. Мишка разочарованно что-то промышчал, но настаивать на близости не стал.

Очень скоро его дыхание выровнялось, и я тихонько встала и прошла в ванную. Мужская одежда валялась прямо на полу. Вопреки тому, что говорила Столетову, я подняла сорочку и стала ее разглядывать. Я не врала про боязнь крови, но малая толика сомнения все же оставалась. От одежды пахло табаком и женскими духами, немного резковатыми на мой вкус. Рубашка была несвежей, но никаких следов крови. Вряд ли Мишка смог зарезать лошадь, отмыться, застирать одежду и снова ее заносить. Как я и сказала Назару, кто бы ни отправил лошадь на тот свет – это был явно не мой спутник.

Я вернулась в спальню, и на одно мгновение показалось, что Михаил не спит, а смотрит прямо на меня. Но спустя секунду мужчина всхрапнул и перевернулся на другой бок.

Глава 5

График работы персонала

– Что тут вчера произошло? – первым делом поинтересовался с утра Мишка.

– Откуда знаешь, что что-то произошло? – спросила я, садясь на кровати.

– Вот отсюда, – он коснулся пальцем моего лица, прямо между бровей, там, где у меня собиралась «тревожная» складочка. Сам же Михаил ее так и назвал, да и не только он. Мужчина убрал руку, поднялся и прошел в ванную. – Рассказывай, чего приключилось, – крикнул он, а через секунду зашумела вода. Пришлось встать и топтать следом.

– Кто-то прирезал лошадь, – сказала я, остановившись в дверях.

– Кто? – спросил Мишка, разглядывая в зеркало свою помятую физиономию.

– Мне не доложили. – Я облокотилась о косяк. – Но этот некто перерезал горло одной из кобыл прямо под тотемным столбом с изображением лошади.

Вместо ответа мужчина выразительно присвистнул, взялся за баллончик с пеной для бритья и резюмировал:

– Это не очень хорошо.

– Думаю, Столетов считает так же.

– Это не очень хорошо для нас. – Мишка нанес пену и взялся за станок. – Такие происшествия всегда привлекают внимание. Кто-то здесь хочет навредить Столетову и не гнушается испачкать руки. Вариантов развития событий не так много и все они не очень приемлемы для нас. – Он провел лезвием по скуле.

– Не спорю. Так может, ну его. Поехали отсюда? – предложила я, наблюдая, как мой спутник сбривает щетину.

– Не может, – не оправдал моих ожиданий мужчина. – Надо просто принять во внимание изменения в правилах игры и сдавать карты дальше. Давай рассмотрим все варианты, – предложил он и, не дожидаясь ответа, стал рассуждать: – Вариант первый, Столетов свихнулся, вообразил себя шаманом и принес лошадь в жертву. Только не говори, что такая мысль не приходила тебе в голову. – Мишка усмехнулся, глядя на себя в зеркало. – Тут все пропитано этой этнической стилистикой, от которой до мистики и умопомешательства рукой подать. Помнишь, что я говорил об этих столбах? – Я неохотно кивнула. – Вот-вот, решил приобрести духа-охранника, или как он там правильно называется по местным верованиям, и прирезал коника. Теперь дух вселится в столб и типа будет хранить это место. В этом случае денег мы с тобой можем и не получить. Иметь дело с буйнопомешанным, – Михаил стал сбривать щетину под носом, – это тебе не капельными картами играть, а скорее воображаемыми. Должность шамана вроде наследственная, как и шизофрения, и порой

невозможно понять, где заканчивается эпос и начинается болезнь.

– Он не мог этого сделать, – сказала я. – Когда кто-то резал животину, Назар был со мной. – На лице Михаила на миг появилось удивление, которое, впрочем, тут же сменилось вежливым интересом, и я поспешила добавить: – Мы играли в бильярд.

Черт, получилось так, словно я оправдываюсь.

– Тогда вот тебе второй вариант, у нас появился конкурент, – продолжил рассуждать Михаил и положил станок на полку.

– Кто-то тоже решил срубить со Столетова денег?

– Речь не обязательно о деньгах. У этого некто могут быть совершенно иные цели и мотивы, например месть бывшей возлюбленной.

– А лошадь здесь причем? Не из-за лошади же он эту самую бывшую бросил, потому что это тоже пахнет диагнозом. Да и потом, не могу представить себе девушку, которая перерезает горло ни в чем не повинному животному, даже ради мести мужчине.

– Тебе ли не знать, на что способны порой девушки, особенно если их правильно мотивировать. – Михаил стал смывать остатки пены со щек.

– Тоже верно. И что нам делать?

Мужчина вытер лицо, отбросил полотенце и сделал шаг ко мне. Я все еще была в трусиках и футболке, в которых

спала. Мишка подцепил край импровизированной ночнушки и потянул вверх, обнажая живот.

– А теперь мы немного расслабимся, – проговорил он.

Я едва заметно подалась назад. Едва-едва, и тут же взяла себя в руки. Но было поздно, он заметил мое невольное движение. Я говорила, что он наблюдательный?

– В чем дело?

– Прости, – едва слышно прошептала я, закрыла глаза и призналась: – Убитые лошади совсем не способствуют созданию романтического настроения.

– Хм, – Мишка улыбнулся, и если бы я не знала его пару лет, вполне могла бы назвать эту улыбку искренней. – Попробуем это исправить. – Мужчина отпустил край футболки и скомандовал: – Одевайся, давай съездим развеемся. Отдохнем от лошадей, деревянных столбов и прочего местного антуража, который так плохо на тебя влияет.

– Но куда...

– Бегом, – перебил меня Михаил, – а то передумаю и оставлю тебя здесь. Тогда точно кого-нибудь еще прибьют.

– Не смешно, – буркнула я, возвращаясь в спальню. Я и сама не поняла до конца, обрадовала меня перспектива покинуть «Медвежий угол» и ужаснула.

Мы покинули отель спустя час, лишь на несколько минут заглянув в ресторан и выпив кофе. Странно, но о вчерашнем происшествии никто не шушукался, ни малочисленные

постояльцы, ни официанты, даже пожилая женщина, что сидела сегодня на ресепшен вместо молоденькой Анфисы спокойно вязала носки. На нее с любопытством смотрел рыжий кот, сидевший прямо настойке.

– Вам не страшно? – с бестактным любопытством спросил у старушки Михаил. – Такие ужасы творятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.